

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 88–100.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 2 (79):88–100.

Научная статья

УДК 82-522.09«16»

DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.009

Образ дьявольского пира в проповеди XVII века как средство противостояния пьянству¹

Лариса Степановна Соболева¹,

Алена Денисовна Калинина²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ l.s.soboleva@mail.ru

² fkyrf2000@gmail.com

Аннотация. Рукописный сборник проповедей конца XVII века «Статир», написанный во владениях Строгановых в Орле-городке и введенный в научный контекст благодаря описанию А. Х. Востокова (1842 год), не был опубликован на должном уровне. Среди многочисленных тем, оригинально представленных анонимным автором, оказались проблема винопития и состояние алкогольного опьянения, уводящее человека от созданного Богом человеческого образа. Данная работа посвящена публикации и исследованию риторических стратегий автора в поучении «О слепотѣ христьянъ, и яко поганския обычаи творять на пирѣхъ своихъ, и яко великое беззаконие содѣвается от пьянства» (Слово 39). Проблема пьянства на Руси XVII века стояла достаточно остро для многих слоев населения. К тому времени уже были попытки регламентации продажи алкоголя (пресекались частные продажи), ограничение объема и времени продаж, осуждение кабацкой атмосферы (запреты на употребление алкоголя вблизи кабаков и организацию на кружечных дворах различных увеселений). Изучаемый текст репрезентирует размышления церковного автора о феномене кабака-растлителя народа, приводящего к гибели души и тела. Негативный пафос описания состояния пьяницы, его поведения, последствий позволяют увидеть активное противостояние автора кабакам и домашнему пьянству. Несмотря на необходимость оставаться в рамках традиции компилятивного построения проповеди, архитектурная организация текста дает возможность выразить и транслировать мысли проповедника. Центральный образ пира, ввиду своей символической насыщенности, присутствует на трех уровнях: бытовой раскрывает пьянство как повседневную социальную проблему, метафорический обличает невежество и заблуждения паствы, видящей в пьянстве любовь к ближнему, а сакральный уровень связывает несправедные пиры с воздействием дьявола и отречением от Бога.

Ключевые слова: «Статир», Бог, дьявол, кабак, образная система, пир, проповедь, пьянство, риторические стратегии, XVII век.

Для цитирования: Соболева Л. С., Калинина А. Д. Образ дьявольского пира в проповеди XVII века как средство противостояния пьянству // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 88–100. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.009](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.009).

Original article

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

The image of feasting with the devil in 17th century sermons as medicine against drunkenness

Larisa Stepanovna Soboleva ¹

Alena Denisovna Kalinina ²

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,

Ekaterinburg, Russia

¹ l.s.soboleva@mail.ru

² fktyrf2000@gmail.com

Abstract. The handwritten collection of sermons of the end of the 17th century *The Stater*, written in the estate of the Stroganovs in the Town of Oryol (Orel-Gorodok) and introduced into scholarship in A. Kh. Vostokov description (1842), has not been properly published. Among the numerous topics originally presented by the anonymous author, were problems of drinking and alcoholic intoxication, which lead a person away from the human image as created by God. This article is devoted to the publication and study of the author's rhetorical strategies in his instruction, *On the blindness of Christians, and how they practice pagan customs at feasts, and how drunkenness brings great iniquity* (Lesson 39). The problem of drunkenness in 17th century Russia was quite acute for many segments of the population. By that time, there had been some attempts to regulate alcohol trade (with prohibition of private sales), limiting the amount and time of sales, condemning the tavern atmosphere (prohibitions on drinking alcohol close to taverns and on running entertainment activities there). The text under study represents reflections of a clerical author on the phenomenon of the tavern as a seat of corruption of the people, leading to spiritual and bodily death. The negative pathos in the description of a drunkard, his behavior, and its consequences emphasize the author's active opposition to taverns and also to drunkenness at home. Despite the need to remain within the framework of the sermon genre, the architectonic organization of the text makes it possible to express and translate the preacher's thoughts. The central image of the feast, due to its rich symbolism, is present at three levels: the everyday level reveals drunkenness as a social problem, the metaphorical one exposes the ignorance and delusions of his parishioners, who value 'neighborly love' in their ritual of drinking, and the sacral level traces such unrighteous feasts to the influence of the devil and renunciation of God.

Keywords: Stater, God, devil, tavern, figurative system, feast, preaching, drunkenness, rhetorical strategies, 17th century.

For citation: Soboleva L. S., Kalinina A. D. The image of feasting with the devil in 17th century sermons as medicine against drunkenness. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):88–100. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.009.

Пир в русской культуре с языческих времен наделялся множеством коннотаций и играл важную социальную роль. Пир был частью ритуальных действий на свадьбах и похоронах, знаменуя продолжение жизни, сопровождал, задабривая силы природы и судьбы, завершение урожайного сезона или военного похода, служили кульминацией в коммуникативном процессе, способствовали консолидации социума, трансляции коллективной памяти. Пир определяется как одна из «наиболее существенных форм социального общения, способ сплочения людей в коллективы, поддержания мира и общественного благополучия» [Гуревич, 2003, с. 359]. На нем отмечались важнейшие события. Отличительная черта пиров заключалась в возможности выйти за рамки повседневного поведения и делать то, что не позволялось в обыденной жизни (эротические высказывания и жесты, свободное поведение, демонстрация силы, власти и т. п.), но было вполне допустимо на пиршестве, порождающем атмосферу «веселой правды» [Бахтин, 1990, с. 313]. Неприятие разгульного поведения в праздничной культуре, корни которого уходили в язычество, было присуще сочинениям церковных учителей изначально. Усиление этого противостояния в XVII веке оказывается в непосредственной связи с изменением типа алкоголя (открытие перегонки) и организацией кабаков, первейшая цель которых состояла в сборе доходов в казну, чему способствовало желание человека обрести состояние веселого бесконтрольного поведения, допускаемого в кабацком пространстве.

Введение кабаков разрушило и установленную традицией культуру потребления алкоголя, провоцируя возможность обращения к винопитию вне события и вне ритуала с их функциональной насыщенностью. Опыание, которое воспринималось легитимным в контексте народных

праздников (в установленные дни, в предписанных местах и в рамках ритуализированного поведения), обосновалось внутри кабаков и даже в пространстве улиц вблизи. Кабацкое пьянство имело разрушительную силу, приводило к словесным эксцессам и физическим столкновениям, вызывающе не соответствовало нормам поведения, ощущалось недопустимым и деструктивным в христианской морали.

Кабаки на Руси появились в XVI веке как заведения для употребления алкоголя посадским населением и крестьянством. В отличие от существующих у многих славянских народов корчемниц, в кабаках не подавали еду, предлагая посетителям только спиртные напитки. Кроме того, если корчма была частным предприятием, то кабак изначально был создан приказом Ивана Грозного как безальтернативное место употребления спиртных напитков для простых людей, поскольку изготавливать дома «горельное вино» законом запрещалось. Кабаки распространились по стране также по приказу царя вместе с запретом на продажу алкоголя в других местах и налогами на торговлю. В начале XVII века появился государственный орган, отвечающий за управление кабаками — Кабацкий приказ, или «Новая четверть». Налоги с кабаков стали крупной статьей дохода казны [Курукин, 2007, с. 52]. Таким образом, продажа спиртного в царевых кабаках была регламентирована и вписана в государственную экономику на многие годы.

Кабацкая политика государства напрямую влияла на масштаб пьянства в обществе. Налогообложение кабаков строилось по двум системам: «на вере» и «на откупе». Кабаки «на вере» продавали алкоголь непосредственно от казны, направляя в нее весь заработок; «откупные» кабаки открывали лица, выкупившие у государства это право на определенный срок и за установленную сумму [Гавлин, 2001, с. 127]. Несмотря на разные системы, и казенным целовальникам, и откупщикам было выгодно собирать в кабаках как можно больше народу, выполняя план казны и зарабатывая. Кабаки «на вере» при этом оказывались в более зависимом от количества продаж положении, поскольку за невыполнение государственного плана целовальникам и кабацким головам приходилось платить из собственного кармана или нести наказание. В связи с этим возрастала необходимость привлечения посетителей, а значит, увеличивался и масштаб пьянства. Со стороны власти возникали попытки ограничить пьянство без потери в налогах (например, реформа 1652 года, превращающая кабаки в кружечные дворы), но компромисс так и не был найден, поскольку ни одно из ограничений не дало результат [Веселовский, 2008, с. 351].

Феномен кабака, спаивающего народ, отразился в памятниках книжной культуры Древней Руси. Губительные проявления кабацкого разгула в контексте их налоговой значимости отмечает писатель Смутного времени Авраамий Палицын: «Оскверни же ц(а)рь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя, корчемницы бо пианству и д(у)шегубству и блуджелателие во всѣхъ градѣхъ в прекупъ высокъ воздвигше цѣну кабаков. И инѣхъ откуповъ чрез мѣру много бысть, да тѣмъ м(и)л(ос)тыню творить и ц(е)ркви строит; и смѣсивъ клятву з бл(агосло)вениемъ, и одолѣ злоба бл(а)гоч(е)стию»² [РГБ ОР. Ф. 256. № 299. Л. 21 об.]. Не спасает и оценивается как лицемерное для Бориса строительство храмов на прибыль от кабаков. Одно из самых показательных изображений кабака в XVII веке — демократическая сатира «Служба кабаку», написанная в форме церковной службы и с помощью приема пародии обличающая кабацкое пьянство. В сатире описывается социальная проблематика кабаков «на вере»: необходимость получения прибыли ради государственной казны толкает целовальников на спаивание народа, которое оборачивается нищетой, воровством, драками, разрушением семей. Сатирическая направленность текста позволяет создать яркие и отталкивающие образы пьяницы и кабака: «Три дня испил еси, безо всего [имения стал еси], доспе мя еси похмельный болезни и похмелья, на три дни купил еси, рукоделие [не продав] заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси»; «О всех нас пьющих кабацкая пазуха веселися, а целовальники неправым богатством возбогатеша» [Адрианова-Перетц, 1934, с. 216, 236].

Церковь в это время также реагирует на проблему кабацкого пьянства: в 1648 году священники вышли на Кабацкий бунт, за что впоследствии были наказаны [Илюшин, 2015, с. 17]; попытки ограничения работы кабаков на государственном уровне, например, предпринимались патриархом Никоном [Веселовский, 2008, с. 350]. Важным инструментом воздействия были проповеди, однако открыто выступать против государственных кабаков у Церкви как института не было возможности, поэтому в речах священников усиливается призыв не поддаваться

² Здесь и далее при цитировании текстов сохраняем ѣ и њ, выносные графемы передаем через курсив, титлы раскрываем и вносим через скобки в текст.

«душепагубному» пьянству, которое начинает трактоваться как один из самых губительных грехов человека.

Ярким примером проповедей антиалкогольной направленности, в которых не только отрицается пьянство, но и просматривается обличение кабаков, становятся проповеди против пьянства из рукописного сборника «Статир», созданного анонимным автором в конце XVII века в прикамской вотчине Строгановых — Орле-городке, близ Соликамска ³.

Первые «Статир» описан А. Х. Востоковым в 1842 году [Востоков, 1842], некоторые проповеди в переводе на современный автору русский язык были опубликованы И. К. Яхонтовым [Яхонтов, 1858]. В отечественной науке уделялось внимание отдельным аспектам изучения сборника, таким как установление авторства, датировка, роль в истории и культуре (П. Т. Алексеев, Д. М. Буланин, А. А. Введенский, А. С. Елеонская, Л. С. Соболева и др.). В настоящее время в Уральском федеральном университете ведется работа по подготовке текстов из сборника «Статир» к научной публикации, а также изучение творческой личности анонимного проповедника, его приемов и стратегий построения проповедей ⁴.

Среди 156 проповедей на праздники и «на случай» присутствуют минимум шесть Слов, в которых пьянство упоминается в названии и выступает основной темой проповеди, в ряде других находим этот недуг среди упоминаемых грехов. Пять проповедей являются вторыми частями Поучений на определенную неделю, что дает автору возможность творчески подойти к раскрытию темы, не следуя строго тематике проповедей годового круга, но опираясь на нее. Двухчастная структура позволяет осветить во второй части интересующие автора темы, не входящие в топос праздника, а для соединения с традицией используется сложная система библейских ключей.

Кроме выявления литературного таланта, важно рассмотреть риторические стратегии, к которым обращается автор «Статира» в проповедях на данную тему. Повествование строится вокруг двух образов: индивидуального — пьяницы, и коллективного — пира. За каждым образом закреплён свой набор выразительных средств, эпитетов, устойчивых выражений, применяемых автором для убеждения паствы и внушения ей отвращения к такому поведению. При этом текст не представляет собой набор библейских эпизодов и святоотеческих цитат, а отражает авторские размышления над предметом проповеди. Если в образе пьяницы прослеживается осознание автором человеческой индивидуальности, то изображение несправедливого пира может быть выражением протеста и донесением до мирян мысли о недопустимости кабацкого пьянства.

В «Статире» образ пира воплощён в барочной антитезе «грешная пирушка» — «праведный пир». И если в других словах против пьянства эта антитеза является изобразительным средством, то в Слове 39 «О слепотѣ хр(ис)тианъ, и яко поганския обычаи творять на пирѣхъ своихъ, и яко великое беззаконие содѣвается от пьянства» [РГБ ОР. Ф. 256. № 411. Л. 176] ⁵ она определяет архитектуру и композицию проповеди.

Проповедь заключена в своеобразную рамку: на одном полюсе — служение Богу, на другом — следование за сатаной. Поэтому даже обыденная жизнь с ее выразительными деталями трактуется в контексте этого противостояния. Описывая повседневную жизнь в самом начале проповеди, автор замечает: «Гдѣ н(ы)нѣ бл(а)гочестивыя и мироухания исполненныя дома, не вся ли подобны и равны блудилищамъ и корчемницамъ. Аще бы кто вшелъ и в славныя дома, коликое бы безобразие увидѣлъ во время ихъ непотребныя бесѣды» (л. 176 об.). Смелость в выражении мыслей о всеобщем нравственном падении, в том числе постигшем и знать («славныя дома»), дома которых уподобляются общепризнанным местам греха, отражается в последующей рефлексии: «Вѣмъ, что сей трудъ мой за сие будутъ сластолюбцы презирати. Но обаче вижу сия, не могу молчати, аще ми и изгнания, и мучение здѣ пріятии» (л. 177). Так автор обозначает степень серьезности и замалчивания проблемы грешных пиров, негативно окрашивающих течение жизни.

В архитектонике проповеди можно выделить три уровня развития образа пира: бытовой, метафорический и сакральный.

Бытовой уровень содержит детали жизнеописания пьяниц и их веселых посиделок, услаждающих «телесное» в человеке: «Но вся на непотребное веселие изнуряеши, и равныхъ себѣ таковыхъ же тѣлесниковъ, и чревоработниковъ призываеши. Из гусли, и тимпаны вино цеженое

³ Обратим внимание, что «Служба кабаку» была создана, по предположению В. П. Адриановой-Перетц, в Сольвычегодском крае, где находились владения Строгановых [Адрианова-Перетц, 1934].

⁴ В исследовательскую группу в разные годы входили магистры и аспиранты Уральского федерального университета имени первого Президента России (руководитель — профессор Л. С. Соболева). В качестве примеров новейших публикаций текстов см.: [Лукьянов, 2020 ; Соболева, Калинина, 2020 ; Соболева, 2020, 2021].

⁵ Далее указание на листы рукописи дано в скобках при цитате.

пиети, с корицею и ароматы. И чрезъ всю ношъ при полныхъ чашахъ присѣдиши. А егда приспѣетъ время востати на утреню, на службу Б(о)жию, на м(о)л(и)тву, на славословие и на колѣнопреклонение, а ты пьянства сномъ отягченъ, и яко мертвъ на одрѣ поверженъ. А егда Б(о)ж(ес)твенную литургию совершаютъ, и Б(о)жественная и страшная престѣйшая таинства животворящая кровь, и преч(ис)тая плоть С(ы)на Б(о)жия в дар Б(о)гу и О(т)цу приносится, и тогда мало истрезвився от пьянства, и отходятъ в баню на скверное смѣшение» (л. 177 об.).

Автор противопоставляет пьянству Таинство евхаристии, страданиям Христа — болезненное состояние и «мучения» пьяницы, чтобы даже в бытовом эпизоде усилить обвинение в отходе от божественного образа.

Особого внимания проповедника удостоивается присутствие на пирях женщин. Он с негодованием характеризует их поведение и внешность, сопоставляя с «блудницами». С учетом того, что женщинам было запрещено заходить в кабаки [Прыжов, 2017, с. 542], то, вероятно, описывается домашний пир, где на равных с мужчинами принимают участие женщины: «Жены ваши входят посреде, идѣже мужей сонмище пиршествуютъ. Подобие и образъ имущи блудницы, лице натрено многоразличными вапы, красоту притворяюще, а образа Б(о)жия обругающе. Очи прижажмени, а брови возвышени, шия убѣленуя протягнена, златомъ обложена и драгимъ бисеромъ, и в шелковая одѣянна» (л. 179 об.). Автор перечисляет женские косметические приемы и украшения, которые противоречат представлению о смирении и покорности как идеальном поведении женщины.

Отмечается ночное пьянство, использование музыки, склонность к дракам, воровству, блуду, нарушению социальных норм общения, при этом чуть менее чем за полвека до написания «Статира» реформа 1652 года должна была ограничить возможность такого времяпрепровождения в кабаках: «А продавать в летней день после обедни с третьяго часа дни, а запираеть за час до вечера; а зимою продавать после обедни ж с третьяго часа, а запираеть в отдачу часов денных»; «А на кружечном дворе скоморохи, с бубны и с сурнами, и с медведи и с малыми собачками, не ходили б и всякими бесовскими играми не играли» [Акты ... , 1836, с. 88, 91]. Однако и ночная торговля, и увеселения под музыку продолжались, и описание в «Статире» может соотноситься в том числе с кабацким бытом «простецов». Усиливая мысль об ответственности человека, грешной пирушке противопоставляются праведные пиры в Ветхом Завете (Авраам, встретивший Господа (Быт. 18), и Лот, угощающий ангелов (Быт. 19)).

Если бытовой уровень должен был вызвать эмоциональное негодование, то метафорический апеллировал к разуму, убеждая паству увидеть грех в пьяном разгуле через метафору любви к ближнему: «Но вѣмъ, яко мнози рекухъ мнѣ: Что ны укоряеши, кое зло пьянство, а мы другъ друга почитаемъ, и Хр(ис)товы заповѣди соблюдаемъ, понеже Онъ заповѣда другъ друга любити» (л. 177); «Вопрошу же вы едина слово о любителя тѣлеснаго покоя: колико в вашей мнимой любви злообразной ненависти дияволъ всѣвает мнози, бо не токмо враговъ, но и ближнихъ своихъ, и братию, о(т)ца, м(а)т(е)рь, жену и чада в велицей ненависти имѣють, многую вражду показываютъ, и тяжкими ранами любезных невинне уязвляютъ» (л. 178 об.). Автор соединяет противоположные категории («колико въ вашей мнимой любви злообразной ненависти»), выявляет переход от положительной коннотации к отрицательной в результате пьянства после клятв в любви («общастася д(у)шу за друга исположити»), которые в дальнейших испытаниях забываются («вменяють друга чюжда и не знаема, и омерзѣнна» (л. 179)). Таким образом, перед читателем разворачивается различная семантика любви и показывается, как под воздействием опьянения все клятвы верности и любви становятся сплошным обманом. Автор проводит своеобразное семантическое разделение нескольких смыслов в слове «любовь»⁶. Эта необходимость для автора была обозначена в связи с жанром текста, требовавшим объяснений для прихода с использованием проповедником общедоступной лексики. Достаточно указать, что в греческом языке, столь дорогом православной традиции, любовь имеет несколько значений в употреблении и строго разграничивает понятие божественной любви — *ἀγάπη*, и сердечной привязанности — *φιλία*, не говоря уже о влечении — *ἔρως*.

Анонимный автор проводит работу по воспитанию глубокого понимания разницы в употреблении понятия, имея целью взрастить в прихожанине любовь к Богу, противостоящую обыденности.

⁶ Многогранность семантического поля «любовь» в русской паремииологии подвергалась подробному описанию (см., напр.: [Воркачев, 2003, с. 189–208]). Более проблемной остается тема развития семантики при воспроизведении в церковно-литературной и общенародной языковой сфере.

К описанию греховности вожделения, а не любви автор обращается, воспроизводя картину присутствия женщины на пире: «Егда таковая прелесница внидетъ, тогда вси пирающе, аки без души стоятъ, инии бо обративше очи на ню, аки истуканни, друзии же, аки бы долу поникше, а с(е)рдца и мысль на вожделѣнне к ней приложивше» (л. 180).

Христианская культура наполнила новым метафорическим смыслом пиршественные события, осознавая их как воплощение божественной любви и пира веры, приход на который ведет к спасению. Первое чудо — претворение воды в вино — Христос совершил на церемонии бракосочетания в Кане, на Тайной вечере он попрощался с учениками и установил Таинство евхаристии. В образе пира стала выражаться мысль о Господе и о Его любви, благословении. Через идею любви к ближним объясняется истинное значение праведных пиров, поэтому для противопоставления грешным пирушкам автор проповеди обращается к пирам и встречам, на которых присутствовал Христос, отмечавший силу любви и веры гостей.

В качестве ключа во введении проповеди автор выбирает слова Иоанна Златоуста: «Хр(ис)тось гл(аголе)тъ: “Научитесь от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ с(е)рдцемъ, и обрящете покой д(у)шамъ вашимъ”, и мали сего послушаютъ. Дияволь же гл(аголе)тъ: “Бивый буди и не кротокъ, и жестокъ, и яростень, и гневливъ звѣрь паче, нежели ч(е)л(о)в(е)къ”, а на сия вси уклонишя» (л. 176). Интерпретация библейского ключа дает возможность понять сакральный смысл проповеди, в которой выделяется два полюса: светлый, куда автор относит праведные пиры, истинную любовь к ближним и воплощение в этих явлениях Господа, и темный — греховные пирушки и ложную любовь, которые соотносятся с дьяволом. В подтверждение дьявольской природы пьянства приводится пародийный обряд с чашей со значением Евхаристии: «Но иная еще злѣйшая творится в родѣ Хр(ис)тианскомъ, поистиннѣ сей обычай и ловъ сатанинѣ. Станет бо жена посреде дому, подобнѣ аки нѣкая богиня. Тогда кийждо починомъ пирающе, со многимъ люботшаниемъ и с низайшимъ поклонениемъ, и со всяцемъ благоговѣниемъ воздающе ей честь целуютъ ю. Она же стоит неподвижна, аки идолъ, и держитъ в руцѣ своей чашу. Тогда любостройнѣ, аки нѣкую бл(а)г(о)да(т)ь, от руку ея приемлютъ, и отходя с поклонениемъ испиваютъ мало: аки бы не хошутъ, да воздержницы возмнятъ» (л. 180)⁷. Поцелуйный обряд как знак расположения, побратимства, символ гостеприимства и верности существовал в недрах культуры до христианства, в православии был дополнен сакральной символикой (целование объектов поклонения, крестное целование и т. п.), чем обрел новый смысл знака духовной любви [Торопов, 2012, с. 682–685]. Автор проповеди, негативно оценивая поцелуй в ритуале гостеприимства, лишает его символического содержания, низводя до антинравственного поведения.

Обращение к женскому образу в контексте несправедного пира неслучайно, поскольку именно женщина, являясь ответственной за домашний быт, была важнейшей фигурой праздничных трапез. В этой проповеди функция женщины как хозяйки пира сохраняется, но образ приобретает резко отрицательные коннотации: на бытовом уровне вместо скромности, предписываемой христианской моралью, подчеркивается украшательство и горделивость, на метафорическом — вожделение к женщине вместо истинной любви, на сакральном — идолопоклонство, облеченное в пародию⁸. В оппозицию образу грешной прихожанки на пиру в тексте возникает образ раскаявшейся грешницы, что подчеркивает принципиальную разницу между грешной и праведной жизнью, заключающуюся в искренности веры, любви и раскаяния: «Блудницы тамо всенародная прииде, и слезами облияше нозѣ Его, и власы гл(а)вы своея отры, и мазаше мѣромъ, и непрестанно целоваше нозѣ Хр(ис)т(о)вы (Лк. 7:37–38). И сего ради сподобившися оставления множества грѣховъ» (л. 179 об.).

Таким образом, автор связывает коллективное и домашнее пьянство (пирушки и кабаки) как несправедные празднования с влиянием и повелением дьявола. Для повседневной культуры того времени такие представления не были чем-то исключительным: И. Г. Прыжов в очерке «Кабацкие целовальники» указывает на суеверия, связанные с присутствием дьявола в кабаках [Прыжов, 2017, с. 535]. Автор «Статира» лишь напоминает об этом, чтобы показать праведный путь. Трехуровневая

⁷ Похожую традицию воспроизводит в своем сочинении Г. Котошихин: «Обычай же таковой есть: пред обедом велят выходить к гостем челом ударить женам своим. И как те их жены к гостем придут, и станут в полате, или в избе, где гостем обедать, в большом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю; и потом господин дому бьет челом гостем и кланяется в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жен... а та, кого целуют, кланяется гостем, малым обычаем; и потом того господина жены учнет подносить гостем по чарке вина двойного, или тройного з зелья, величиною та чарка бывает в четвертую долю кватара, или малым боши; и тот господин учнет бити челом гостем и кланяется в землю ж, сколько тех гостей ни будет всякому по поклону, чтоб они изволили у жены его пити вино» [Котошихин, 1884, с. 167].

⁸ Автор не делает отсылку к Апокалипсису, но описание дает аллюзию к образу вавилонской блудницы: «И жена бѣ облечена въ порфиру и червленицу, и позлащена златомъ и каменiemъ драгимъ и бисеромъ, имущи чашу злату въ руцѣ своей полную мерзости и сквернѣ любодѣянiя ея» (Откр. 17:4).

образная система сохраняется и в заключении проповеди: «Сие бо гл(агол)ю: не пирове укоряю и не други любочествовати возбраняю, но дияволом наученныя обычаи разрушаю» (л. 180 об.); чувствуя кризис морально-этических ценностей, автор делает акцент на сакральном уровне, чтобы обратить внимание паствы на то, что именно он должен определять социально-бытовую жизнь человека.

Проповедь становится выступлением против как кабацкого, так и домашнего пьянства. И хотя автор вместо указания на кабака употребляет слово «корчемница», пафос противостояния коллективному пьянству здесь очевиден. Смелость автора, его искренность в утверждении христианской морали сказывается в том, что он отдельно обличает пиры состоятельных людей «великихъ домовъ», причем сила осуждения возрастает, вызывая такие определения, как «злообразныя прелести», «сатанинская позорища», «кошуну и сквернословие от туняядцовъ и ласкателей». Иронии подвергается пиршественное веселье, в котором автор видит проявление «действий дьявола». Пьянство приводит людей к «бесчинному и смѣхотворному» виду, которые пьяницы «перед господиями своими показываютъ» (л. 180 об.).

Завершаем краткое рассмотрение проповеди мыслью, что в ней отражено объективное движение в культуре к появлению феномена симпозиума — совместного пира, главной установкой которого будет общение близких по духу людей вне ритуального или обрядового смысла и получение удовольствия — от словесного до гастрономического. Но создание и литературное осмысление этой коммуникативной ситуации — дело последующих двух веков [см.: Шишкин, 1998, с. 5–38].

В завершение статьи предлагаем не известный ранее текст проповеди XVII века, посвященный обличению пьянства⁹.

(л. 176). **Часть вторая того же слова. О слепотѣ хр(ис)тиань, и яко поганскія обычаи творять на пирѣхъ своихъ, и яко великое беззаконіе содѣвается от пьянства**¹⁰

Н(ы)нѣ же азъ рассматривающе¹¹, коликая слѣпота д(у)шевная въ челоуѣцехъ, поистинѣ помрачашася и ослепша, с(о)лнце видятъ, а во тмѣ невѣдения и всякаго нечестія ходятъ.

Оле слепоты сея и помрачения! Имамъ очи, а свѣта не видимъ, аще и свѣтъ видимъ, но в нощи ходимъ. Слышимъ Хр(ис)та гл(агол)юща, Ц(а)р(с)тво Н(е)б(е)сное обѣщающа, и не внимаемъ, дияволъ же геену изходатайствуетъ, и вси его почитаютъ. Хр(ис)тосъ гл(аголе)тъ: «Научитесь от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ с(е)рдцемъ, и обрящете покой д(у)шамъ вашимъ»¹² (*Мф. 11:29*), и мали сего послушаютъ. Дияволъ же гл(аголе)тъ: «Бивый буди и не кротокъ, и жестоко, и яростенъ, и гневливъ звѣрь паче, нежели ч(е)л(о)в(е)къ». А на сия вси уклонишася¹³ (*И. Златоуст, Беседы на Деяния Апостольские, беседа 6, 3*). Въмы вси, что бл(а)го послушати Хр(ис)та, но отлагаемъ на ино время, на д(е)нь, и на м(еся)ць, на годъ, и на старость. Оле повелѣния б(о)голюбезнаго, но бѣ пренебрегаемо. А диявола д(у)шегубительная повелѣ // (л. 176 об.) ния сладостнѣ приемлютъ и чрезъ всю жизнь исполняютъ и таковыми дѣлы и животи свой кончаютъ.

О лютыхъ страстей, ыми же дияволъ на ч(е)л(о)в(е)ка воюетъ, и всячески того растлѣваетъ, гордостію надымаетъ, завистию угрызаетъ, лакомствомъ сребролюбимъ бодѣтъ, яростию и гнѣвомъ пожигаетъ¹⁴ (*Иннокентий III, Тронник*). Но вся сия слепотою помрачени в сладостѣхъ міра сего не зримъ, но любовнѣ содержимъ.

Въмы, безивѣстенъ конецъ, но многи¹⁵ себѣ лѣта исчисляемъ. Зримъ сосѣда своего весь домъ пламенемъ обвят, а мы свой каменень быти помышляемъ и покровъ желѣзнь. Се гл(агол)ю: «Егда видимъ други своя намъ единосѣтны, по вся часы умирають, а мы своя дни во объядении и пьянствѣ, и в мѣсе изживаемъ»

О коликая слепота въ ч(е)л(о)в(е)цехъ! Увы: гдѣ н(ы)нѣ¹⁶ бл(а)гочестивыя и мироухания исполненныя дома, не вся ли подобны и равны блудилищамъ и корчемницамъ. Аще бы кто вшелъ и в славныя дома, коликое бы безобразіе увидѣлъ во время ихъ непотребныя бесѣды.

⁹ Текст воспроизводится современным шрифтом. Вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменены современными графемами или их сочетанием. Сохранены ѣ и њ, титлы раскрываются, пропущенные графемы вносятся в текст в круглых скобках. Выносные буквы вносятся в строку, но передаются курсивом. Пунктуация ориентирована на современные правила. Все исправления и дополнения в рукописи (редакторские и писцовые) указываются системой сносок. Указания на цитаты и парафразы приводятся в квадратных скобках курсивом. Границы листов рукописи обозначаются двумя косыми линиями (/ /), после которых указывается номер следующего листа.

¹⁰ В рукописи вставка на правом поле: Слово 39.

¹¹ Испр., в рукописи: ресмотривающе.

¹² В рукописи на правом поле указание на источник: Ма(т)ф(ей) зач(ало) 43.

¹³ В рукописи на правом поле указание на источник: Злат(оуст) на Дѣян(ия) нрав(оучение) 6.

¹⁴ В рукописи на левом поле указание на источник: Инокентий папа Римской.

¹⁵ Испр. автором на левом поле, изначально: мнози.

¹⁶ В рукописи вставка на левом поле.

Срамно и недостойно ми здѣ вписати, вѣмъ, что сей трудъ мой за сие будутъ сластолюбцы презирати. Но обаче вижу сия, не могу молчати, аще ми и из // (л. 177) гнания, и мучение здѣ прияти. А сему написанию, аще и огню, предану быти. И обаче не терплю еже бы вамъ *от* таковыхъ д(у)шеубийственныхъ покоевъ неперестати. Имѣю бо всемъ на васъ в д(е)нь Хр(ис)т(о)ва пришествия свидѣтелемъ быти и судъ подати.

Но прочие слышите не моихъ худѣйшихъ и гнилыхъ словесъ, но самого Сп(а)сителя Хр(ис)та, сице гл(агол)юща: «Горе вамъ, богатымъ, яко *от*стоите утѣшения вашего. Горе вамъ, насыщении, яко взалчете. Горе вамъ, смѣющимся н(ы)нѣ, яко возрыдаете и восплачете»¹⁷ (Лк. 6:24–25). Вы же сихъ не внимаете, но д(е)нь и ношъ чреву работаете неимѣюще покоя.

Оле слепоты, коль тшаливы в бѣсоугодною жертву изнуряти. И коль же стоцы нищимъ подати. В пьянство весь свой прибытокъ истощаютъ, а Б(о)гу и единаго пѣнзя дати за великую бѣду и тшету вменияютъ. Но увы симъ из лиха и бедне и велми окаяннѣ. Хр(ис)т(о)в свѣтъ и учение презираютъ и С(вя)тыхъ О(те)цъ предания ни во что вменияютъ, и о своемъ мнѣнии дияволомъ помрачени уповаютъ.

Но вѣмъ, яко мнози рекухъ мнѣ: «Что ны укоряеши, понеже Онъ заповѣда другъ друга любить»¹⁸ (Ин. 15:17)

О сего ми вреда, уязвляющее с(е)рдце, стрясаящи вся моя // (л. 177 об.) чюства. Увы мнѣ, имя носимъ Хр(ис)тианское, законъ Б(о)жий в рукахъ держимъ, обаче его злыми дѣлесы безчествуемъ. И таковымъ развращеннымъ мнѣниемъ и житиемъ хулимъ. Свѣтомъ Б(ла)гозарумия хвалимся, а во тмѣ беззакония истлѣваемъ¹⁹. (Симеон Полоцкий, «Обед душевный», слово 1 в неделю 7 по сошествии Святого Духа, л. 286)

Поистине добрѣ ми реклъ еси: «Любовь соблюдать, ибо и Б(о)гъ любви есть, и пребывая в любви в Б(о)зѣ пребываетъ, и Б(о)гъ в немъ пребываетъ»²⁰ (1Ин. 4:16) — сице гл(аголе)тъ возлюбленный уч(е)ник. И самъ Сп(а)ситель завѣща: «Идѣже два или три совѣщастся во имя Мое, ту посреде ихъ и Азъ»²¹ (Мф. 18:20). Но и сия, аще исполнилъ²² еси во своемъ мнѣнии, подобаетъ же и иная не презирати. Иже тойже Сп(а)ситель гл(агол)а: «Аще сотвориши пиръ или вечерю, не зови равныхъ себѣ, ни друзей, ни сродниковъ, да и тии ты такожде воззовутъ, но нищихъ, бѣдныхъ, иже не имутъ ти, что воздати»²³ (Лк. 14:12–14). И снѣси обѣдъ во Ц(а)р(с)твии Н(е)б(ес)нѣмъ»

О суетный ч(е)л(о)в(е)че! Что ослѣпъ, еси в пьянствѣ ли любви законъ хочещи исправить. Нищихъ же не точию на обѣдъ не призываеши, но ниже куса хлѣба подати хочещи, ни раздраной ризы, ни излишняго пѣнзя. Но вся на непотребное веселие изнуряеши, и равныхъ себѣ таковыхъ же тѣлесниковъ, и чревоработниковъ призываеши. Из гусли, и тимпаны вино цеженое пие // (л. 178) ти, с корицею и ароматы. И чрезъ всю ношъ при полныхъ чашахъ присѣдиши.

А егда приспѣетъ время востати на утреню, на службу Б(о)жию, на м(о)л(и)тву, на славословие и на колѣнопреклонение, а ты пьянства сномъ отягченъ, и яко мертвъ на одрѣ поверженъ. А многожды и тако у пьяницы случается: с(вя)щенникъ слуга Б(о)жий на славословие, а они в то время на блудъ и скверное смѣшение. А егда Б(о)ж(е)ственную литургию совершаютъ, и Б(о)жественная и страшная Прес(вя)тѣйшая таинства животворящая кровь и Преч(ис)тая плоть С(ы)на Б(о)жия в дар Б(о)гу и О(т)цу приносятся, и тогда мало истрезвения *от* пьянства, и *от*ходить въ баню на скверное смѣшение. Аще бо и с женами²⁴, но законопреступницы суще. Мнятся законъ исполняютъ, но законопоругатели суть²⁵. Инии же с любодѣицами. [понеже злѣ употребляютъ брата не в подобное время]²⁶

Зри, о ч(е)л(о)в(е)че, не вся ли сия пьянство вводитъ, иже ты гл(аголе)шы любовь в немъ соблюдать. О горе, како мы доброходатайственный даръ любовь въ вѣчную себѣ погибель употребляемъ. Любимъ братию и сосѣды д(у)шепагубнаго ради и проклятаго пьянства и мнимъ в таковой любви Б(о)га быти. Ни, братия, идѣже пьянственное бѣснование, нѣсть тамо Б(о)га, но сатана ликовствуетъ. // (л. 178 об.) Не слышалъ ли еси диявола гл(агол)юща, не имѣю, онъ рече: «Таковы радости, о поганыхъ жертвахъ, елику о хр(ис)тианехъ пьяныхъ». А ты егда друга пьянствомъ любочествуеши, и гл(аголе)ши: «Любовь Б(о)жию исполняю, понеже Г(оспо)дъ заповѣда друга любить»

Оле слепоты! Поистине, сия гл(агол)ы, и нравъ, и любовь дияволъ составляетъ. Но разумѣй, любосластниче: егда друга принуждая пьянствомъ любочествуеши, ей поистиннѣ его убиваеши.

Вопрошу же вы едино слово о любителя тѣлеснаго покоя: колико въ вашей мнимой любви злообразной ненависти дияволъ всѣваетъ мнози, бо не токмо враговъ, но и ближнихъ своихъ, и братию, о(т)ца, м(а)т(е)рь, жену и чада въ велицей ненависти имѣютъ, многую вражду показываютъ, и тяжкими ранами любезныхъ невиннѣ уязвляютъ. И просто реши единою содѣтъ пьяный злое. Его же чрезъ все житие трезвостию и воздержаниемъ едва возможно исцелити²⁷ (И. Златоуст, Беседы на Деяния Апостольские, беседа 6, 4).

¹⁷ В рукописи на правом поле указание на источник: Лук(а), гл(а)в(а) 6.

¹⁸ В рукописи на правом поле указание на источник: Иоан(н), гл(а)в(а) 15.

¹⁹ В рукописи на левом поле указание на источник: Симеон Полоц(кий).

²⁰ В рукописи на левом поле указание на источник: Иоанново посла(ние), гл(а)в(а) 4.

²¹ В рукописи на левом поле указание на источник: Ма(т)ф(ей), глав(а) 18.

²² Испр. автором, изначально: исполнилъ.

²³ В рукописи на левом поле указание на источник: Лук(а) глав(а) 14.

²⁴ Испр., в рукописи: иж женами.

²⁵ Испр., в рукописи слово вписано над строкой.

²⁶ Вписано автором на правом поле.

²⁷ В рукописи на правом поле указание на источник: Злат(оуст) на дѣян(ия) нрав(оучение) 6.

Прочее вы сами изочтите ми, коликия *от* пьянства бѣды, коликия свары, коликая бесчестия, коликая кровопролития и убийства. А ты мниши в таковой любви Б(о)га быти. // (л. 179) Но сицево дѣяние нѣсть *от* Б(о)га, но *от* лукаваго диявола, той бо ненависти и вражды родитель. Ибо иногда бываетъ у пьяницъ мирно любочествуются и упиваются, совѣтъ благъ творять, и д(у)шу свою испологають. А егда разидутся, то вскорѣ любовь свою забываютъ, еже в пьянствѣ обѣщастся д(у)шу за друга исположити. Егда обыметь его бѣда или нищета, тогда ниже *от* имѣнии хошуть что дати, или якову помощь сотворити. Но вменяють друга чюжда и не знаема, и омерзѣнна.

Но вѣмъ се, яко мнози рекутъ мнѣ: «Сия гл(аголе)ши укоряя насъ и возбраняя²⁸ пѣрове творити. Нѣ С(вя)т(ите)ли и самъ Б(о)гъ многожды с ч(е)л(о)в(е)ки вечерялъ, но Аврааму под сѣнь вниде, и обѣдова у него²⁹ (*Быт. 18*). У Лота два ангела спутсквоваху. Он же и вечерю имъ устройвъ³⁰ (*Быт. 19:2–3*). Но и Хр(ис)тосъ, егда за свою бл(а)г(ода)ть всему роду ч(е)л(о)в(е)чю Сп(а)сение строя, бывъ ч(е)л(о)в(е)къ и в Канѣ Галилейстѣй и на бракъ ходилъ. С рождшею Его, и со уч(е)н(и)цы своими, и первымъ чюдодѣйствиемъ Его почеть, воды во вино претворениемъ³¹ (*Ин. 2:1–11*). Посемъ у нѣкоего фаресея Симона возлежашу Ему, идѣже и женѣ блуднице нозѣ Его умыти. Но и к мытаремъ и грѣшникомъ входаше Б(о)гъ³² (*Лк. 7:36–39*). // (л. 179 об.)

Правду ми гл(аголи)те, поистиннѣ вся сия содѣя Б(о)гъ за наше Сп(а)сение, и нето едино, но и поносную см(е)ртъ приять, и во гробѣ положися, и во адъ хождаше, да свободитъ ч(е)л(о)в(е)ческий родъ *от* мучительства сатанина³³ (*Мф. 26; Мф. 15; Лк. 23*). Но ты ли вменяеши Б(о)жие странствие к своимъ д(у)шепагубнымъ пиромъ. Идѣже бо Хр(ис)тосъ пироваше, ту коликая преславная содѣвая. Мнози бо недужнии здравие получиша. И величьи грѣшницы внезапно оставление грѣховъ прияша, и пречюднии прав(е)дн(и)цы быша.

Идѣже Хр(ис)тосъ вечерялъ, тамо и жены входяху, инии же служаху ему, иныя же послушающе со тшаниемъ прес(вя)тѣйшихъ словесъ его³⁴ (*Лк. 10:38–42*), но и блудницы тамо всенародная³⁵ прииде, и слезами облиаше нозѣ его, и власы гл(а)вы своєю отры, и мазаше мѣромъ, и непрестанно целоваше нозѣ Хр(ис)т(о)вы³⁶ (*Лк. 7:37–38*). И сего ради сподобившися³⁷ оставления множества грѣховъ.

А на вашихъ пирѣхъ, увы мнѣ, еже зрять очи мои: коликое бѣснование *от* пьянства, коликое сквернословие, коликое кушунание, но и жены ваши входятъ посредѣ, идѣже мужей сонмище пиршествуютъ. Подобие и образъ имущи блудницы, лице натрено многоразличными вапы, красоту притворяюще, а образа Б(о)жия обругаю // (л. 180) ще. Очи прижажмени, а брови возвышении, шия убѣленуя протягнена, златомъ обложена и драгимъ бисеромъ, и в шелковая одѣянна.

Оле! сея пагубы не смѣху, но слезъ достойна! Оле, лова дияволя и стрелы душе уязвляющия! Егда таковая прелесница внидетъ, тогда вси пиряне, аки без души стоятъ, инии бо обративше очи на ню, аки истуканни, друзии же, аки бы долу поникше, а с(е)рдца и мысль на вожелѣние к ней приложивше. Поистиннѣ бо самъ сатана по произволению ея красоту ей изобразуетъ, и доброзачну ю показуетъ.

Но иная еще злѣйшая творится в родѣ Хр(ис)тианскомъ, поистиннѣ сей обычай и ловъ сатанинъ. Станетъ бо жена посредѣ дому, подобнѣ аки нѣкая богиня. Тогда кийждо починомъ пиряне, со многимъ люботшаниемъ и с низайшимъ поклонениемъ, и со всяцемъ благоговѣниемъ воздающе ей честь целуютъ ю. Она же стоитъ неподвижна, аки идолъ, и держитъ в руцѣ своей чашу. Тогда любостройнѣ, аки нѣкую бл(а)г(ода)ть, от руку ея приемлютъ, и *от*ходя с поклонениемъ испиваютъ мало: аки бы не хошуть, да воздержницы возмнятся. Желаютъ, дабы она что к нимъ прогл(агол)еть и испити ихъ понудитъ // (л. 180 об.) А донелиже она не изыдетъ, то ни единъ ту сущихъ *от* пирянь не сядет. Аще ли кий сядет, то вси его порицають, и невѣжею называютъ, и пьяницею укаряють.

Оле сего неразумия, паче всякаго безумия и слепоты. Увы сего чина злѣйшаго всякаго бесчиния, ни во языцехъ, не знающихъ Б(о)га, сего не творится. Горе мнѣ, окаянному, не вижу такова люботшания и в дому Б(о)жии, и таковой почести и поклонения и образу Б(о)жию, и таковаго чина и строения, и в слушании Б(о)жественныхъ словесъ поучения. Таковое зло в новость всѣя сатана, не *от* много лѣтъ возрасти, но твердо вкорени въ хр(ис)тианехъ.

О сея прелести, могущая³⁸ и алмаментову д(у)шу возмутити. Наипаче же аще поидемъ до великихъ домовъ, коликая тамо злообразныя прелести, коликая сатанинская позорища, коликая кошуны и сквернословие *от* тунейдцовъ и ласкателей. Иже всякий видъ безчинный и смѣхотворный *от* дѣйства дияволя пред господиями своими показываютъ ради проклятаго пьянства.

²⁸ Испр., в рукописи: вобраняя.

²⁹ В рукописи на правом поле указание на источник: *Быт(ие)*, гл(а)в(а) 18.

³⁰ В рукописи на правом поле указание на источник: *таж 19*.

³¹ В рукописи на правом поле указание на источник: *Иоан(н)*, зач(ало) 6.

³² В рукописи на правом поле указание на источник: *Лук(а)*, гл(а)в(а) 7.

³³ В рукописи на левом поле указание на источники: *Ма(т)ф(ей)* гл(а)в(а) 26; *Ма(т)ф(ей)* 15; *Лук(а)* 23.

³⁴ В рукописи на левом поле указание на источник: *Лук(а)* гл(а)в(а) 10 я.

³⁵ Испр., в рукописи: всенародная.

³⁶ В рукописи на левом поле указание на источник: *Лук(а)* гл(а)в(а) 7.

³⁷ Испр. автором, изначально: сподобишася.

³⁸ Испр., в рукописи: мугущая.

Сие бо гл(агол)ю: не пирове укоряю и не други любочествовати възбраняю, но дияволом наученныа обычаи разрушаю. Не повреда намъ // (л. 181) пища, но болѣзнь пресыщение, и нѣсть вино зло, но погибель пьянство, не рече бо Г(оспо)дь, еже не питатися, но възбрани пресыщатися и симъ отягчатися.

Сего ради молю и бл(а)гий вамъ совѣтъ даю, престанемъ, братия, от погибелнаго пьянства, поживемъ трезвено. Возвеселимся въ Б(о)зѣ Г(оспо)дѣ за надежду вѣчныхъ благъ³⁹, их же намъ обѣща дати Хр(ис)тосъ Ц(а)рь мѣра и Ц(а)р(с)твия Своего сподобити, идѣже Самъ ц(а)р(с)твуетъ со О(т)цемъ и Д(у)хомъ С(вя)тымъ отъ всѣхъ вой небесныхъ хвалимый. Аминь.

[РГБ ОР. Ф. 256. № 411. Л. 176–181].

Список источников

1. Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII века. — Л. : АН СССР, 1934. — С. 171–247.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. — СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836. — Т. IV. — 652 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М. : Худож. лит., 1990. — 543 с.
4. Веселовский С. Б. Московское государство: XV–XVII вв.: из научного наследия — М. : АИРО-XXI, 2008. — 379 с.
5. Воркачев С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: современная антология. — Волгоград : Перемена, 2003. — С. 189–208.
6. Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. — СПб., 1842. — С. 629–633.
7. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: обозрение. — М. : Изд-во МГУ, 2007. — Вып. 13. — С. 127–139.
8. Гуревич А. Я. Пир // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. — М. : РОССПЭН, 2003. — С. 359–360.
9. Илюшин И. Применение опыта дореволюционного трезвеннического движения к современной жизни // Конференция Санкт-Петербургской митрополии «Церковная практика помощи нарко- и алкозависимым»: сб. докладов. — СПб., 2015. — С. 17–21.
10. Котошихин Г. О России в царствование Алексия Михайловича. — 3-е изд. — СПб., 1884. — [4], XXXVI, 196, XX с., [2] л. факс.
11. Курукин И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. — М. : Молодая гвардия, 2007. — 518 с.
12. Лукьянов Н. А. Переход в иной мир: рукописное церковное поучение «На погребение» из книги «Статир» // Свое — чужое: опыт культурного взаимодействия : материалы Всерос науч.-практ. конф. «Строгановские чтения — XVI». — Усолье : Усолье Строгановское, 2020. — С. 84–89.
13. Прыжов И. Г. Очерки русского быта. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2017. — 640 с.
14. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). — Ф. 256. Собрание Румянцева. — № 299. Сказание Авраамия Палицына. — 232 л. ; № 411. Статир. Русский сборник проповедей XVII в. (последняя четверть). — 815 л.
15. Соболева Л. С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. — 2020. — № 73. — С. 254–270.
16. Соболева Л. С. «Ныне душа моя радостию наполнися и сердце мое веселием играть»: рукописное поучение XVII в. на праздник Похвалы Богородицы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2021. — № 35. — С. 244–266. — DOI: 10.24412/2224-5391-2021-35-244-266.
17. Соболева Л. С., Калинина А. Д. Поучения против пьянства в рукописном сборнике «Статир»: богословская риторика и образ грешника // Свое — чужое: опыт культурного взаимодействия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения — XVI». — Усолье : Усолье Строгановское, 2020. — С. 90–96.
18. Шишкин А. К литературной истории русского симпозиона // Русские пиры. — СПб. : Альманах «Канун», 1998. — Вып 3. — С. 5–38.
19. Яхонтов И. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. — 1858. — № 40. — С. 26–38 ; № 44. — С. 141–149.

References

1. Adrianov-Peretz V. P. Feast of Tavern-Frequenters. *Parodiya-satira vtoroy poloviny XVII veka* [Parody-satire of the second half of the 17th century]. Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1934, pp. 171–247. (In Russian).
2. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire]. St. Petersburg, 2nd Division of Imperial Publ., 1836, vol. IV, 652 p. (In Russian).

³⁹ Испр., вписано автором над строкой.

3. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovaya i Renessansa*. [Creative work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2nd ed. Moscow, Khudozh. Lit. Publ., 1990, 543 p. (In Russian).
4. Veselovsky S. B. *Moskovskoye gosudarstvo: XV–XVII vv.: iz nauchnogo naslediya* [Moscow State: XV–XVII centuries: from scientific heritage]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2008, 379 p. (In Russian).
5. Vorkachev S. G. The Concept of Love in Russian-language Speaker’s Consciousness. *Kommunikativnyye issledovaniya 2003: sovremennaya antologiya* [Communicative Research 2003: a modern anthology]. Volgograd, Change Publ., 2003, pp. 189–208. (In Russian).
6. Vostokov A. Kh. *Opisaniye russkikh i slavyanskikh rukopisey Rumyantsevskogo muzeuma* [Description of Russian and Slavic manuscripts of the Rumyantsev Museum]. St. Petersburg, 1842, pp. 629–633. (In Russian).
7. Gavlin M. L. The issue of wine farming in the history of the legislation of the Russian Empire: XVIII–XIX centuries. *Ekonomicheskaya istoriya: obozreniye* [Economic history: review]. Moscow, MGU Publ. House, 2007, iss. 13, pp. 127–139. (In Russian).
8. Gurevich A. Ya. Feast. *Slovar srednevekovoy kultury* [Dictionary of medieval culture]. Ed. A. Ya. Gurevich. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, pp. 359–360. (In Russian).
9. Ilyushin I. Application of the experience of the pre-revolutionary teetotaling movement to modern life. *Konferentsiya Sankt-Peterburgskoy mitropolii “Tserkovnaya praktika pomoshchi narko- i alkomezimym”*: sb. dokladov [Conference of St. Petersburg Archdiocese “Church practices of helping drug and alcohol addicts”: collection of reports]. St. Petersburg, 2015, pp. 17–21. (In Russian).
10. Kotoshikhin G. *O Rossii v tsarstvovaniye Aleksiya Mikhailovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. 3rd ed. St. Petersburg, 1884, [4], XXXVI, 196, XX p., [2] sheets. Facsimile. (In Russian).
11. Kurukin I. V. *Povsednevnyaya zhizn russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa Yeltsina* [Everyday life of a Russian tavern, from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow, Young Guard Publ., 2007, 518 p. (In Russian).
12. Lukyanov N. A. Transition to Another World: Manuscript of Church Instruction, “On Burial” from “Stater” Book. *Svoye – chuzhoye: opyt kul’turnogo vzaimodeystviya: materialy Vseros nauch.-prakt. konf. “Stroganovskiy chteniye XVI”* [Own and alien: experience of cultural interaction: materials of All-Russian scientific-practical. conf. “XVI Stroganov Readings”]. Usolye, Usolye Stroganovskoye Publ., 2020, pp. 84–89. (In Russian).
13. Pryzhov I. G. *Ocherki russkogo byta* [Essays on Russian everyday life]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2017, 640 p. (In Russian).
14. *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisey (RGB OR)* [Russian State Library. Department of Manuscripts (RSL OR)]. F. 256. Collection of Rumyantsev, no. 299. Legend of Avraamy Palitsyn, 232 sheets; no. 411. Stater. Russian collection of 17th century sermons (last quarter), 815 sheets. (In Russian).
15. Soboleva L. S. A hymn to Family Love and Harmony in Handwritten Collection of Sermons of Late 17th Century. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2020, iss. 73, pp. 254–270. (In Russian).
16. Soboleva L. S. “Now is my soul filled with joy and my heart rejoices”: manuscript of 17th century instruction on the holiday in praise of the Holy Virgin. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2021, iss. 35, pp. 244–266. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-35-244-266. (In Russian).
17. Soboleva L. S., Kalinina A. D. Instructions against drunkenness in handwritten collection “Stater”: theological rhetoric and the image of a sinner. *Svoye – chuzhoye: opyt kul’turnogo vzaimodeystviya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “Stroganovskiy chteniye XVI”* [Own and Alien: experience of cultural interaction: materials of All-Russian. scientific-practical. conf. “XVI Stroganov Readings”]. Usolye, Usolye Stroganovskoye Publ., 2020, pp. 90–96. (In Russian).
18. Shishkin A. On Literary History of the Russian Symposion. *Russkiye piry* [Russian feasts]. St. Petersburg, Almanac “Kanun” Publ., 1998, iss. 3, pp. 5–38. (In Russian).
19. Yakhontov I. Russian preacher of the 17th century. *Dukhovnaya beseda* [Spiritual conversation]. 1858, no. 40, pp. 26–38; iss. 44, pp. 141–149. (In Russian).

Информация об авторах

Соболева Лариса Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: фольклор и древнерусская литература, региональная литература, старообрядчество, христианская традиция в культуре, агиография и церковное красноречие.

Калинина Алена Денисовна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: гомилетика, книжная культура Древней Руси, социальная проблематика православных проповедей, феномен винопития и его отражение в литературе, ценностные установки проповедников XVII века.

Information about the authors

Soboleva Larisa Stepanovna — doctor of philology, professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Research interests: folklore and ancient Russian literature, regional literature, Old Believers, Christian tradition in culture, hagiography and church eloquence.

Kalinina Alena Denisovna — master's degree student, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Research interests: homiletics, book culture of Ancient Rus', social problems in Orthodox sermons, the phenomenon of wine drinking and its reflection in literature, values of preachers of the 17th century.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; принята к публикации 19.03.2023.

The article was submitted 08.02.2023; accepted for publication 19.03.2023.